

№ 2.
1945

СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
1945

ВЫПУСК
II (XVIII)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. Т. ГОЛЯКОВА

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ СССР
Москва · 1946

СОДЕРЖАНИЕ

Постановление Пленума Верховного суда СССР	3
Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР	6
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	24

Цена 1 р. 75 к.

Редактор В. П. Усков. Подписано к печати 28/VIII 1945 г. Печ. л. 2.
Уч.-изд. л. 2,9. В печ. л. 75296 зн. А 20067. Зак. 930. Тираж 25.000

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

Прогул без уважительных причин, совершенный в период отбывания условного наказания за преступление, квалифицированное как самовольный уход в силу постановления Пленума Верховного суда СССР от 7 июля 1941 г., надлежит квалифицировать как самовольный уход. Третий прогул без уважительных причин подлежит квалификации как самовольный уход лишь в том случае, если он совершен в период отбывания наказания по совокупности за предыдущие прогулы

Дело Кашиной. Постановление от 2 марта 1945 г.

По приговору народного суда 1-го участка г. Чебоксары от 25 января 1943 г. была осуждена по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. работница завода Кашина к 6 месяцам исправительно-трудовых работ с вычетом 25% из заработка, а с присоединением неотбытой части наказания в размере 1 месяца и 3 дней исправительно-трудовых работ по предыдущему приговору за ранее совершенный прогул — к 7 месяцам и 3 дням исправительно-трудовых работ.

По приговору того же народного суда от 11 марта 1943 г. Кашина за прогул, совершенный ею 23 февраля 1943 г., была вновь осуждена по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. к 6 месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы с удержанием 25% из заработной платы, а с присоединением неотбытой части наказания по предыдущим приговорам в размере 5 месяцев и 16 дней — к 11 месяцам и 16 дням исправительно-трудовых работ.

Суд при этом указал, что Кашина подлежала бы суровому наказанию и что она приговаривается к наказанию, не связанному с лишением свободы, исключительно учитывая, что на ее иждивении имеются малолетние дети, а муж находится на фронте.

5 ноября 1943 г. Кашина получила извещение о гибели ее мужа на фронте. На следующий день, 6 ноября, она явилась на работу, но, уже находясь на работе, почувствовала себя плохо, легла полежать и заснула. За это она вновь была предана суду. По приговору того же народного суда от 24 ноября 1943 г. она была осуждена по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. с учетом указанных смягчающих обстоятельств к 3 месяцам исправительно-трудовых работ по месту работы, а с присоединением неотбытой части наказания по предыдущим приговорам (2 месяца и 16 дней) — к 5 месяцам и 16 дням с вычетом из заработной платы 25%.

24 января 1944 г. Кашина опоздала на работу на 2 часа. Кашина объяснила, что в этот день до начала работы ей дали лошадь привезти из лесу дров; лошадь попалась плохая, она к сроку не успела возвратиться и опоздала на работу. Предыдущие свои нарушения трудовой дисциплины Кашина объяснила тем, что у нее на руках маленькие дети, за которыми некому ухаживать.

Учитывая, что прогул был допущен Кашиной в период отбывания наказания за неоднократные предыдущие прогулы, она была предана суду по Указу от 26 декабря 1941 г. и по приговору Военного трибунала войск НКВД Чувашской АССР от 6 марта 1944 г. была приговорена к 5 годам тюремного заключения условно с испытательным сроком в один год с поглощением наказания по предыдущим приговорам.

25 июня 1944 г. Кашина допустила самовольную отлучку в течение нескольких часов и, возвратившись на работу в нетрезвом состоянии, к работе не приступила и уснула. В связи с этим она была привлечена к уголовной ответственности по Указу от 26 декабря 1941 г.

Определением подготовительного заседания Военного трибунала войск НКВД от 29 июля 1941 г. действия, инкриминируемые Кашиной, были пере-квалифицированы на Указ от 26 июня 1940 г. и дело возвращено прокурору для передачи по подсудности в народный суд. Военный трибунал при этом указал, что, поскольку все приговоры за предшествовавшие прогулы поглощены последним приговором от 6 марта 1944 г., по которому она признана виновной в самовольном уходе, все ранее совершенные прогулы не могли служить основанием для квалификации прогула от 25 июня 1944 г. как самовольного ухода.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 октября 1944 г., вынесенным по частному протесту прокурора г. Чебоксары, определение Военного трибунала было отменено и дело передано на рассмотрение Военного трибунала по существу предъявленного Кашиной обвинения. При этом коллегия, не приводя никаких доводов против мотивов определения Военного трибунала, ограничилась глухим указанием, что действия Кашиной предусмотрены Указом от 26 декабря 1941 г.

По делу необходимо указать следующее.

Определение Военной коллегии, вынесенное без всяких мотивов, обосновывающих ее решение об отмене определения Военного трибунала, подлежит отмене ввиду нарушения ст. 421 УПК РСФСР, по смыслу которой определение вышестоящего суда об отмене решения суда нижестоящего должно быть подробно мотивировано.

Однако и определение Военного трибунала подлежит отмене, как содержащее принципиально неправильное утверждение.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 7 июля 1941 г., распространенному постановлением Пленума от 12 ноября 1942 г. и на предприятия, подпадающие под действие Указа от 26 декабря 1941 г., третий прогул без уважительных причин, совершенный на одном из таких предприятий в период отбывания наказания за предыдущие прогулы, подлежит квалификации по Указу от 26 декабря 1941 г. В обоснование своего постановления Пленум указал, что третий прогул при этих условиях приобретает характер злостного уклонения от работы, дающего основание рассматривать совокупность прогулов как самовольный уход. Если исходить из этого принципиального положения Пленума, следует признать, что четвертый прогул, совершенный в период отбывания наказания за предыдущие прогулы, не только ни в какой степени не снижает степени его злостности по сравнению с третьим прогулом, но, наоборот, повышает ее. С другой стороны, самый факт осуждения за совокупность предыдущих прогулов как за самовольный уход, не устраняет фактической природы совершенных преступлений, так как совокупность прогулов никак не может превратиться в самовольный уход и лишь приравнивается к последнему в смысле уголовной ответственности. Поэтому совершение прогула лицом, осужденным к условному наказанию как за самовольный уход за три предыдущих прогула, следует рассматривать как совершение четвертого прогула в период отбывания наказания (хотя бы условного) не за самовольный уход, а за три предшествовавших прогула, лишь в смысле ответственности приравненных к самовольному уходу. В силу изложенного четвертый прогул в этих случаях должен повлечь за собой ответственность как за самовольный уход по ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. или по Указу от 26 декабря 1941 г.

Независимо, однако, от изложенного по данному делу, Указ от 26 декабря 1941 г. не может быть применен по следующим основаниям.

Обращаясь к приговорам, вынесенным в отношении Кашиной, следует отметить, что ряд их вынесен с нарушением закона.

Как видно из изложенного выше, по приговору от 25 января 1943 г. Кашина была осуждена за второй прогул, совершенный в период отбывания наказания за первый прогул. Поэтому при рассмотрении судом дела о сле-

дующем прогуле Кашиной, по которому приговор был вынесен 11 марта 1943 г. суд, признав прогул доказанным, должен был квалифицировать действия Кашиной не по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г., а по Указу от 26 декабря 1941 г., как за самовольный уход, так как это был третий прогул, совершенный в период отбывания наказания за предыдущие два прогула. Суд мотивировал свой приговор тяжелым семейным положением подсудимой. Однако это обстоятельство могло повлиять только на размер наказания, но не на квалификацию преступления.

Поэтому приговор от 11 марта 1943 г. подлежал бы отмене, а дело передаче на новое рассмотрение. Однако пересмотр дела в данный момент представляется явно нецелесообразным, и поэтому этот приговор в соотношении с последующими приговорами придется учитывать в том виде, как он вынесен судом.

В следующий раз Кашина была осуждена по приговору от 24 ноября 1943 г. за сон во время работы. Этот приговор вынесен в отношении Кашиной явно необоснованно. Сон во время работы на месте работы не может квалифицироваться как прогул, предполагающий всегда (кроме случаев появления на работе в нетрезвом виде) отсутствие работника на работе в рабочее время, а является лишь видом бездельничанья, влекущего дисциплинарную ответственность согласно Типовым правилам внутреннего трудового распорядка, утвержденным СНК СССР 18 января 1941 г. Однако если даже рассматривать эти действия Кашиной как прогул, то, учитывая, что, как видно из приговора, Кашина находилась в подавленном состоянии, получив накануне известие о гибели мужа, почувствовала себя на работе дурно, прилегла и уснула, прогул этот никак не может быть признан совершенным без уважительных причин. Поэтому приговор от 24 ноября 1943 г. подлежит отмене, а дело прекращению за отсутствием в действиях Кашиной состава преступления.

Следующий прогул был совершен Кашиной 24 января 1944 г. и был квалифицирован в приговоре от 6 марта 1944 г. по Указу от 26 декабря 1941 г.

Суд, признав Кашину виновной в опоздании на работу на 2 часа, не указав в приговоре, почему он считает это опоздание неуважительным. Между тем по делу ничем не опровергнуты приведенные выше показания Кашиной о том, что она ввиду плохого состояния лошади не успела к сроку, до начала работы привезти дрова из лесу для своей квартиры. При разрешении вопроса об уважительности или неуважительности прогула суд обязан подходить к этому вопросу не формально и не по одному заранее принятому стандарту, а с учетом конкретных обстоятельств каждого данного дела. Подходя с этой точки зрения к опозданию, допущенному Кашиной, необходимо учесть, что она жена фронтовика, была единственной работницей в семье и на ее иждивении находилось трое малолетних детей. Таким образом, кроме Кашиной, никто в семье не мог позаботиться о заготовке топлива. С другой стороны, опоздание, связанное с задержкой подвоза топлива по не зависящим от Кашиной обстоятельствам, оказалось вынужденным. Таким образом, учитывая условия крайней необходимости, исключающей виновность (ч. 2 ст. 13 УК РСФСР), ей не может быть поставлено в вину непредвиденные возможности опоздания при самой поездке за топливом (за отсутствием других лиц, на которых она могла бы возложить эту заботу по обеспечению самой насущной потребности своей семьи, состоящей из малолетних детей), а равно и самое вынужденное опоздание. Поэтому и приговор Военного трибунала от 6 марта 1944 г. подлежит отмене за отсутствием в действиях Кашиной состава преступления.

Обращаясь, наконец, к последнему прогулу, инкриминируемому Кашиной, по которому состоялось опротестовываемое определение Военной коллегии и который отнесен материалами дела к 25 июня 1944 г., следует отметить, что и в случае его доказанности он не может быть квалифицирован по Указу от 26 декабря 1941 г. Если исключить как необоснованно вынесенные два последних приговора, т. е. приговор Военного трибунала от 6 марта 1944 г. и приговор народного суда от 24 ноября 1943 г., то оказывается, что задолго до 25 июня 1944 г. (т. е. до момента инкриминируемого ей последнего

прогула) Кашина уже отбыла наказание по ранее вынесенным приговорам. Действительно, по приговору от 11 марта 1943 г., непосредственно предшествующему подлежащим отмене приговорам от 24 ноября 1943 г. и 6 марта 1944 г., Кашина по совокупности с ранее вынесенными приговорами была осуждена к исправительно-трудовым работам на 11 месяцев и 16 дней, срок отбытия которых, таким образом, заканчивался в конце февраля 1944 г. При таких условиях инкриминируемый Кашинной прогул от 25 июня 1944 г. не дает оснований для обвинения ее по Указу от 26 декабря 1941 г., так как, согласно приведенным выше постановлениям Пленума Верховного суда СССР, не всякий третий прогул подлежит квалификации как самовольный уход, а лишь прогул, совершенный в период отбывания наказания за предыдущие прогулы. Прогул же, хотя бы по счету и третий, совершенный после отбытия наказания за предыдущие прогулы, подлежит квалификации на общих основаниях, т. е. по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. По этим основаниям и инкриминируемый Кашинной прогул от 25 июня 1944 г. подлежит квалификации по ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. Вместе с тем, учитывая давность инкриминируемого Кашинной преступления и явную нецелесообразность рассмотрения в данный момент этого дела, имеются основания для применения ст. 8 УК РСФСР.

По изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет: приговор народного суда 1-го участка г. Чебоксары от 24 ноября 1943 г. и приговор Военного трибунала войск НКВД Чувашской АССР от 6 марта 1944 г. в отношении Кашинной отменить и дела о ней по указанным приговорам производством прекратить по п. 5 ст. 4 УПК РСФСР за отсутствием в действиях Кашинной состава преступления. Равным образом отменить определение Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 октября 1944 г. и определение подготовительного заседания Военного трибунала войск НКВД Чувашской АССР от 29 июля 1944 г. и дело о Кашинной прекратить на основании ст. 8 УК РСФСР.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

I. Скупка продовольственных карточек и последующая покупка по ним и перепродажа предметов продовольствия с целью наживы должны квалифицироваться по ч. 2 ст. 169, ст. 107 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик

Дело Лиходедова. Осужден народным судом 10-го участка г. Алма-Ата по ст. 107 УК РСФСР. Алма-Атинский областной суд приговор оставил в силе. Верховный суд Казахской ССР приговор отменил и дело передал на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Определение от 20 января 1945 г.

(Извлечение)

Лиходедов признан виновным в том, что он систематически скупал хлебные карточки, получал по ним булочные изделия и продавал эти изделия по спекулятивным ценам.

Во время задержания его 25 февраля 1944 г. на колхозном рынке при продаже булочек по 25 руб. за штуку у него было обнаружено 14 хлебных карточек на третью декаду февраля 1944 г. и 12.587 руб. денег.

Изъятые у осужденного карманные часы и 7587 руб. деньгами суд поста-

новил конфисковать в доход государства, а 5000 руб. возратить сестре осужденного как принадлежащие ей.

Верховный суд Казахской ССР приговор народного суда отменил по тем мотивам, что суд не проверил ссылки осужденного на то, что, нуждаясь в усиленном питании, он покупал хлебные карточки для того, чтобы сушить сухари из хлеба. Сухари он готовил также на дорогу, собираясь выехать на родину к семье в Воронежскую область.

Как видно из материалов дела, во время предварительного расследования данного дела Лиходедов признал, что он еще в начале февраля 1944 г. скупил 13 хлебных карточек на 5,6 кг. хлеба в день. По этим карточкам он получал от 30 до 40 штук булочек в день, которые потом продавал по 25 руб. за штуку и, таким образом, выручал от 600 до 700 руб. в день. Делал он это с той целью, чтобы приобрести кое-какие вещи для своей семьи, которая живет в Воронежской области. Необходимо отметить, что при задержании Лиходедова у него были отобраны не только хлебные карточки и деньги, но и булочки, которые он продавал на рынке (хотя в протоколе количество отобранных булочек не указано, но из расписки, по которой они отданы органами милиции его сестре, видно, что их было 24 штуки).

Показаниями его родственников, у которых он жил в Алма-Ате, также подтверждается, что он занимался продажей на рынке булок, которые он получал по скупленным хлебным карточкам, причем, как показал племянник его Плихасов, Лиходедов за это время купил себе кожаное пальто за 6000 руб.

Эти действия Лиходедова содержат в себе признаки не только ч. 2 ст. 169 УК РСФСР, но и ст. 107 УК РСФСР. В части скупки хлебных карточек и получения по ним хлеба эти действия составляют преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 169 УК РСФСР, в части же перепродажи по рыночным ценам булочных изделий, полученных по этим карточкам, эти действия составляют спекуляцию, т. е. преступление, предусмотренное ст. 107 УК РСФСР. По обоим этим статьям Лиходедов и был правильно предан суду органами расследования. Народный суд неправильно исключил ст. 169 УК РСФСР. Но еще более неправильно было бы исключение ст. 107 УК РСФСР, которая по тяжести наказания превышает ч. 2 ст. 169 УК РСФСР. Поэтому с точки зрения квалификации преступления не было достаточных оснований для отмены приговора народного суда.

2. Открытое хищение чужого имущества должно квалифицироваться как грабеж лишь в том случае, если оно совершено в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего этим имуществом

Дело Авакяна и др. Осуждены народным судом 2-го участка Кировского района по п. «г» ст. 193 УК Армянской ССР (кража частными лицами государственного имущества). Верховным судом Армянской ССР переквалифицировано на ч. 3 ст. 196 УК (грабеж, совершенный группой). Определение от 27 января 1945 г.

Погосян, Гарибян и Авакян признаны виновными в том, что 19 июля 1944 г. они похитили легковую автомашину № 1, принадлежащую СНК Армянской ССР, которая стояла около дома шофера Гарибджилана.

Переквалификацию преступления осужденных на ч. 3 ст. 196 УК Армянской ССР Верховный суд Армянской ССР мотивировал тем, что кража машины была произведена в присутствии находившихся на улице ряда лиц. Определение Верховного суда Армянской ССР предусматривает грабеж, в действиях же осужденных квалифицирующих признаков этой статьи не установлено. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: определение Верховного суда Армянской ССР отменить и дело по обвинению Авакяна, Гарибяна и Погосяна направить на новое рассмотрение в ту же коллегия Верховного суда Армянской ССР, но в ином составе для рассмотрения кассационных жалоб осужденных.

3. Повреждение посевов на единоличном огороде, а не на общественном (хотя бы и переданном в индивидуальное пользование), не может квалифицироваться как повреждение государственного имущества

Дело Березкиной. Осуждена народным судом 5-го участка Ленинградского района г. Москвы по ч. 2 ст. 79 УК РСФСР. Определение от 31 января 1945 г.

Березкина признана виновной в том, что причинила порчу огорода, принадлежащего гр-ке Штейнгардт, выкопав из земли посаженный картофель в количестве 9 кг.

Приговор подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям.

Прежде всего неправильна квалификация преступления по ст. 79 УК РСФСР (в мотивах приговора указана первая часть этой статьи, а в резолютивной части — вторая часть). В данном случае речь идет об единоличном огороде, а не об общественном, поэтому речь могла бы идти о квалификации действий Березкиной по ст. 175 УК РСФСР.

Но обвинение неправильно и по существу.

Из материалов дела видно, что между Штейнгардт и Березкиными, проживающими в одном и том же доме, весной 1944 г. возник спор по поводу пользования усадебным участком земли перед домом. Березкины утверждают, что они с 1918 г. непрерывно пользовались этим участком земли. Штейнгардт же утверждает, что она до эвакуации из Москвы пользовалась небольшой частью этого участка. Вернувшись из эвакуации в 1943 г., она весной 1944 г. решила вновь использовать эту часть земельного участка под картофель. Ввиду возникшего в связи с этим спора, так как за время пребывания Штейнгардт в эвакуации этим участком пользовались Березкины, обе стороны обращались к органам власти. Березкина подала 9 мая 1944 г. заявление в исполком Ленинградского райсовета г. Москвы. Согласно резолюции начальника сельскохозяйственного сектора соответствующему управлению домами предложено разобраться на месте и закрепить участок земли за Березкиной.

Несмотря на возражения Березкиной, Штейнгардт вскопала часть земельного участка и посадила около 9 кг картофеля. Тогда Березкина обратилась в отделение милиции. Как видно из рапорта участкового уполномоченного отделения милиции, обследовавшего положение на месте, и справки, выданной отделением милиции, ответственный дежурный отделения милиции предложил Березкиной возратить Штейнгардт посаженный картофель, не останавливаясь и перед тем, чтобы выкопать его из земли. Березкина это и сделала, картофель выкопала и на участке посадила свои овощи.

Хотя милиция не является надлежащим органом для разрешения такого рода споров и указание, данное ответственным работником этого отделения милиции, явно незаконно, тем не менее надо признать, что при таких условиях в действиях Березкиной, которая едва ли могла разобраться в полномочиях должностного лица, к которому она обращалась, нет состава преступления.

Что касается спора между сторонами о праве пользования усадебным участком земли, то он подлежит разрешению в административном порядке органами, ведающими городскими землями, а вопрос о возмещении Штейнгардт убытков, причиненных действиями Березкиной, — в порядке гражданского судопроизводства.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила: приговор народного суда отменить и дело по обвинению Березкиной в уголовном порядке производством прекратить.

4. Ст. 128-в УК РСФСР предполагает действия, совершенные с умыслом. Приговор должен быть основан на тщательном анализе всех обстоятельств дела в их совокупности

Дело Петровой. Осуждена народным судом 1-го участка Приморского района г. Ленинграда по ст. 128-в УК РСФСР. Определение от 27 января 1945 г.

Петрова признана судом виновной в том, что она, работая в пивной лавке завода «Красная Бавария» буфетчицей, 8 июля 1944 г. умышленно не долила 2,5 литра пива двум военнослужащим, купившим у нее таковое в количестве 25 литров, в чем она и была уличена на месте преступления. Суд признал, что осужденная с целью сокрытия следов преступления во время обыска, который был произведен в лавке, выбросила в моечном отделении 250 руб. денег. Как на доказательство виновности Петровой суд ссылается на то, что при снятии в лавке остатков денег и товара за 8 июля 1944 г. у нее был установлен излишек выручки в сумме 417 р. 44 к.

Петрова виновной себя не признала. Ссылку осужденной на то, что излишек образовался потому, что она вложила в кассу 450 руб., полученных от знакомых, которые у нее в свое время их брали в долг, суд признал неправдоподобной, поскольку у нее имелась своя сумочка, в которой она и могла хранить личные деньги, тем более что часть денег уже находилась в ней. Суд отверг также ссылку Петровой и на то, что проверка правильности меры отпущенного пива была произведена через некоторый промежуток времени после того, как оно было вынесено покупателями из лавки, и недостающее количество пива могло быть в это время выпито ими самими.

Приговор подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям.

Ст. 128-в УК РСФСР устанавливает уголовную ответственность за умышленные действия, за обман и обворовывание потребителей (постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1941 г. об изменении постановления 51-го Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1935 г. «О судебной практике по делам об обмеривании, обвешивании и превышении цен»). Следовательно, Петрова могла быть признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 128-в УК РСФСР, лишь при условии установления, что она умышленно недолила 2,5 литра пива. Суд это и утверждает в своем приговоре. Однако это утверждение нельзя признать достаточно обоснованным.

Из материалов дела видно, что установление недолива пива произошло при следующих обстоятельствах.

В связи с инцидентом, возникшим между Петровой и одним из покупателей по поводу неудовлетворения его просьбы о сдаче ему крупными денежными купюрами и отказа в выдаче ему жалобной книги, последним был приглашен в лавку районный прокурор. Ко времени прихода прокурора Петрова заканчивала отпуск 25 литров пива двум покупателям. Отпуск этого пива производился путем наливания его кружками в две бутылки, которые по заполнении покупатели вынесли на улицу и погрузили на автомашину. По требованию прокурора это пиво было внесено обратно и вымерено путем переливания его в другую посуду также кружками. Таким образом и было установлено, что нехватает 2,5 литра (в действительности 3,5 литра, но суд не считает одного литра, очевидно, потому, что, как установлено, эти покупатели сверх 25 литров купили отдельно еще один литр, который, по утверждению Петровой, они тут же выпили).

Петрова оспаривает самый факт недолива ею 2,5 литра, ссылаясь на то, что недосталя пива могла получиться не по этой причине. Но если даже считать установленным, что недосталя в бутылках произошла вследствие недолива, то этим еще не решается вопрос о доказанности умысла в ее действиях. Недолив пива мог получиться вследствие ошибки в подсчете числа перелитых кружек или от того, что Петрова во время наливания ею в бутылки не следила за наполнением кружки до отмеченного на ней уровня,

что при большом количестве отдельных переливаний пол-литровой кружкой могло также образовать эту недостачу.

Ввиду этого приобретают существенное значение отмеченные в приговоре косвенные улики: 1) изобличение Петровой в том, что она пыталась скрыть спрятанные у нее в одежде 250 руб. и 2) установление излишка выручки. Обе эти улики непосредственно не связаны с недолитом 2,5 литра пива, так как деньги за это недолитое пиво Петрова вернула покупателям. Они имеют значение лишь постольку, поскольку могут свидетельствовать о преступном образе действий Петровой. Однако их нельзя признать в достаточной степени доказанными. В попытке скрыть 250 руб. изобличала Петрову только свидетельница Спиридонова (подавальщица). Как показала Спиридонова, когда начался обыск, Петрова попросила ее принести ей воды. Для того чтобы исполнить эту просьбу, она пошла в моечное отделение. Вслед за ней туда вошла сама Петрова. Набирая воду, она увидела, как Петрова подняла свое платье, вынула что-то из трико и бросила на пол. Об этом Спиридонова сказала лицу, производившему обыск, опасаясь личной ответственности. Эти показания никак нельзя признать заслуживающими доверия. Представляется необъяснимым поведение Петровой, которая сперва посылает Спиридонову за водой, затем идет туда же вслед за ней и при ней выбрасывает деньги, сама создавая таким образом свидетеля своих действий.

Трудно также объяснить, почему Петровой понадобилось прятать часть денег в своей одежде, тогда как другую часть она оставила в сумочке, и почему, если она во время обыска решила избавиться от этих денег, она не сделала то же самое с деньгами, которые у нее были в сумочке.

Необходимо отметить, что, как показала Спиридонова в судебном заседании, она сама во время обыска выбросила хранившуюся у нее продовольственную карточку другого работника лавки, свидетеля Ломтева.

Если все это не может служить достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что сама Спиридонова выбросила эти 250 руб., то, с другой стороны, на такого рода показаниях нельзя строить обвинение Петровой.

Вторая улика, касающаяся обнаружения излишка денег в сумме 417 руб., если и может свидетельствовать о злоупотреблениях, то только о других злоупотреблениях, совершенных в течение дня. Так и рассматривало этот факт обвинительное заключение, основывая на нем утверждение о систематических злоупотреблениях Петровой. Однако и этот вывод является недостаточно обоснованным.

Не говоря уже о том, что, согласно показаниям заведующего пивной лавкой Ильичева, излишки могли образоваться у буфетчиц (их было две в лавке) и от того, что покупатели не всегда брали сдачу (л. д. 24), нельзя считать излишек выручки точно установленным.

Из материалов дела видно, что при подсчете наличной выручки туда вошли обнаруженные в подсобном помещении 250 руб. и 270 руб., которые, согласно показаниям официантов Ломтева и Спиридоновой, они утром брали у Петровой для того, чтобы иметь деньги для сдачи посетителям. Эти деньги они вернули в кассу во время снятия остатков. Суд не отметил в приговоре связанных с этими деньгами показаний Ломтева и Спиридоновой, которые также могут рассматриваться как улика против Петровой. Эти показания о том, что Петрова ругала их за то, что они предъявили эти деньги, и обвиняла их в неумении работать. Надо, однако, отметить противоречивость этих показаний Спиридоновой. По ее показаниям в судебном заседании получается, что она спросила Петрову о том, как поступить с этими деньгами, уже после того, как она предъявила их лицу, производившему обыск.

Во всяком случае в сумму излишка включены 250 руб., происхождение которых, согласно вышеизложенному, нельзя считать установленным.

Петрова утверждает, что в выручку включены также 450 руб., которые ей вернул какой-то летчик и которые являются ее собственными деньгами. О каких-то расчетах с летчиком показывала также и Спиридонова. Если эти показания Петровой правильны, то у нее должна была бы быть недостача денег, а не излишек. В связи с этим надо отметить показания заведующего

лавкой Ильичева о том, что у Петровой бывали недостачи, в частности он показывает о недостаче 176 руб., которую она не погасила. В то же время по отчету Ильичева за время с 1 по 8 июля 1944 г. бухгалтерией завода была обнаружена недостача в сумме 656 руб. Все эти обстоятельства не дают оснований считать вопрос об излишке выручки достаточно выясненным.

Поэтому, находя, что собранные по делу данные недостаточны для того, чтобы признать доказанным предъявленное Петровой обвинение в обмеривании потребителей, что выявившиеся недостатки в ее работе могли служить основанием для постановки вопроса о непригодности ее для работы в качестве буфетчицы, на которую она была назначена всего лишь недели за три до этого, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: приговор народного суда 1-го участка Приморского района г. Ленинграда и определение Ленинградского городского суда в отношении Петровой отменить и дело за недоказанностью предъявленного ей обвинения производством прекратить.

5. Наказание в виде увольнения от должности может быть применено и к лицам, занимающим выборные должности

Дело Гусакова. Осужден народным судом 1-го участка Железнодорожного района г. Сталинабада по п. «г» ст. 195 УК Таджикской ССР (кража государственного имущества). Определением Сталинабадского областного суда переквалифицировано на ч. 2 ст. 133 УК (злоупотребление служебным положением, лишенное отягчающих признаков) с назначением наказания в виде увольнения от должности. Верховным судом Таджикской ССР определение областного суда отменено с передачей дела на новое рассмотрение областного суда. Определение от 20 января 1945 г.

Гусаков признан виновным в том, что, работая председателем фабкома обувной фабрики Наркомлеппрома Таджикской ССР и имея доступ в цехи фабрики, он похитил заготовки из кожи для 10 пар тапочек и одной пары мужских туфель. Похищенная кожа была обнаружена 4 июля 1944 г. частью в ящике его рабочего стола (заготовки для туфель), частью на столе завернутой в газету (заготовки для тапочек).

Изменяя приговор суда, Сталинабадский областной суд исходил из того, что в деле нет доказательств, подтверждающих, что Гусаков похитил заготовки для тапочек, обнаруженные на его столе в помещении ленинского уголка, в которые имели доступ многие лица и где происходили работы по раскрою кожи. Что касается заготовок для туфель, то они были выданы Гусакову бывшим заведующим производством фабрики взамен ранее изготовленных для него туфель, оказавшихся непригодными. Но так как это было сделано без ведома и разрешения дирекции фабрики, то областной суд усмотрел в этом со стороны Гусакова преступное использование своего служебного положения, т. е. преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 133 УК Таджикской ССР.

Верховный суд Таджикской ССР отменил определение областного суда, мотивируя это тем, что областной суд неосновательно отверг обвинение Гусакова в хищении заготовок как для тапочек, так и для туфель. Кроме того, он указал на неправильное применение ст. 133 УК Таджикской ССР, так как Гусаков по своему служебному положению никакого отношения к производству не имел и материальной ответственности за кожаные изделия не нес. Неправильно также назначение наказания в виде увольнения от должности, так как должность председателя фабкома, которую занимал Гусаков, выборная.

Из материалов дела видно, что рабочее место Гусакова находилось в помещении ленинского уголка, куда имели свободный доступ рабочие и служащие фабрики и где производилась работа по кройке кожи. Стол Гусакова был открыт 4 июля 1944 г. в его отсутствие работниками фабрики

Ткачуком и другими путем подбора ключей, и только после этого был приглашен Гусаков и составлен акт об обнаружении кожаных заготовок в столе и на столе.

Показания свидетелей по этому поводу противоречивы: Ткачук показал, что кожа была обнаружена в ящике стола, а другие показывают, что она была в свертке на столе.

Как видно из показаний свидетеля Колтун, заготовки на туфли были выданы Гусакову по разрешению администрации фабрики. При наличии таких данных следует признать, что Сталинабадский областной суд правильно отверг обвинение Гусакова в хищении кожи. Что касается получения Гусаковым заготовок для туфель, то необходимо отметить, что ссылка Верховного суда Таджикской ССР на неправильное применение ст. 133 УК Таджикской ССР и неправильное применение наказания в виде увольнения от должности неосновательна. Можно было бы говорить и об использовании Гусаковым своего служебного положения, если бы было установлено, что работники цеха незаконно дали ему заготовки, считаясь с тем, что он является председателем фабкома.

Применение в виде наказания увольнения от должности нет оснований считать неправильным, так как, устанавливая этот вид наказания, закон не исключает применения его в отношении выборных должностей (ст.ст. 18 и 34 УК Таджикской ССР).

Определение областного суда в этой части является неправильным по другим основаниям. Если даже признать установленным, что Гусаков получил эти заготовки неправильно, поскольку это было сделано без разрешения директора фабрики, то тем не менее преступление это не настолько значительно, чтобы необходимо было привлечение Гусакова к уголовной ответственности.

Ввиду изложенного, Судебная коллегия определила:

Приговор народного суда 1-го участка Железнодорожного района г. Сталинабада и все последующие определения вышестоящих судов в отношении Гусакова отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

6. В тех случаях, когда каждое из преступлений, входящих в совокупность, совершено до вынесения первого приговора, суд, определяя наказание по совокупности при вынесении второго приговора, обязан применить принцип поглощения, а не сложения наказания

Дело Левченко. Определение от 20 января 1945 г.

(Извлечение)

По приговору Кемеровского областного суда Левченко был осужден по ч. 1 ст. 82 УК РСФСР на один год лишения свободы. К этому наказанию суд присоединил шесть месяцев лишения свободы, назначенные Левченко по приговору народного суда Топкинского района от 26 июля 1944 г. по п. «б» ст. 162 УК РСФСР, и конечную меру наказания, подлежащую отбыванию, определил в один год и шесть месяцев лишения свободы.

Верховный суд РСФСР по протесту Прокурора РСФСР приговор суда отменил и дело передал на новое рассмотрение со стадии судебного следствия.

Левченко признан виновным в том, что, находясь под стражей как подследственный по обвинению по п. «б» ст. 162 и ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР, он 5 июля 1944 г. совершил побег из-под стражи.

Верховный суд РСФСР отмену приговора мотивировал тем, что областной суд допустил грубую ошибку при определении осужденному конечной меры наказания, так как упустил из виду, что по приговору народного суда от 26 июля 1944 г. Левченко помимо п. «б» ст. 162 был еще осужден по ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР на два года лишения свободы и эта же мера наказания ему назначена по совокупности обеих статей.

Из материалов дела видно, что Левченко был 26 июля 1944 г. осужден

по п. «б» ст. 162 УК РСФСР на шесть месяцев лишения свободы и по ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР — на два года лишения свободы с определением по совокупности двух лет лишения свободы за то, что он, проживая в г. Топки в течение десяти дней без прописки и документов, 19 июня 1944 г. совершил у одной гражданки кражу дамских туфель, которые затем продал за 590 рублей. Кемеровский областной суд 8 октября 1944 г. исключил из приговора обвинение Левченко по ч. 2 ст. 192-а УК РСФСР, так как признал обвинение это неосновательным. Поэтому определение Верховного суда РСФСР от 14 ноября 1944 г. является необоснованным и противоречащим обстоятельствам дела.

Но и приговор Кемеровского областного суда не может быть оставлен без изменений. Как видно из дела, побег из-под стражи Левченко совершил еще до вынесения приговора по делу о краже им туфель. Поэтому при определении наказания по совокупности суд должен был применить не сложение наказаний, а поглощение менее тяжкого наказания более тяжким.

7. По делам о растратах имеют существенное значение данные о размере имущества, фактически находившегося в ведении подсудимого

§ 1. Дело Тадевосяна. Осужден народным судом Дузкентского района по ч. 2 ст. 142 УК Армянской ССР (растрата).
Определение от 27 января 1945 г.

Тадевосян признан судом виновным в том, что, работая заведующим овощным складом Дузкентского районного промкомбината, совершил растрату 1766 кг картофеля.

Тадевосян виновным себя не признал и объяснил, что недостача образовалась в связи с тем, что поступивший на склад картофель находился в мокром и сильно загрязненном виде, скидка же на естественную убыль применялась по нормам, установленным для сухого и незагрязненного картофеля. Это заявление Тадевосяна, несмотря на то, что оно имело весьма важное значение для дела, не было проверено.

Суд, признавая Тадевосяна виновным в растрате картофеля, в то же время не привел в приговоре доказательства, подтверждающие, что недостача образовалась в результате присвоения или растраты. При таких обстоятельствах, нельзя признать дело исследованным с достаточной полнотой. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: приговор народного суда Дузкентского района и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Тадевосяна отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

§ 2. Дело Манташян. Осуждена народным судом Алавердского района по ч. 2 ст. 142 УК Армянской ССР. Определение от 24 января 1945 г.

Манташян признана судом виновной в том, что, работая в Алавердском сельпо продавщицей, присвоила 12301 руб., в погашение которых добровольно внесла 2222 руб. Манташян виновной себя не признала.

Приговор подлежит отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что обвинение Манташян основано на факте обнаружения в магазине недостачи 12300 руб. и что эта недостача связана с эпизодом получения бочки коньяка.

Осужденная показала, что, получив коньяк и приступив к продаже его, она не знала, какое количество коньяка находилось в бочке, так как фактура на него поступила только через 7 дней; впоследствии же, когда бочка с частью коньяка была передана другому магазину, оказалось, что емкость этой бочки была иной, нежели та, которая была указана на самой бочке, причем емкость ее была определена при помощи воды, без учета удель-

ного веса коньяка. Манташян утверждала, что эти обстоятельства и явились причиной образования инкриминируемой ей недостачи.

Объяснения эти судом не были проверены. Суд, вынося Манташян обвинительный приговор, не выяснил, были ли на бочке при поступлении ее в магазин целы печати, а если не были целы, то не могла ли недостача коньяка образоваться еще до поступления его в магазин.

Один факт добровольного внесения Манташян в кассу 2222 руб. в счет погашения недостачи не может служить доказательством ее виновности в присвоении.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, находя дело неисследованным с достаточной полнотой, определила: приговор народного суда Алавердского района и определение Верховного суда Армянской ССР в отношении Манташян отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

8. Доказательство, признанное порочным в отношении одного из подсудимых, не может быть положено в основу обвинения другого подсудимого, если обстоятельства, спорачивающие это доказательство, распространяются и в отношении второго подсудимого

Дело Дадашева, Гамзаева и Мехтиева. Народным судом 2-го участка Октябрьского района г. Баку первый осужден по ч. 2 ст. 103 УК Азербайджанской ССР (хулиганство), а остальные по этой статье оправданы. Верховным судом Азербайджанской ССР приговор в отношении Дадашева оставлен в силе, а в отношении остальных отменен с передачей дела на новое судебное рассмотрение. Определение от 31 января 1945 г.

Дадашев признан виновным в том, что совершил хулиганские действия в общежитии Бакинского сельскохозяйственного техникума, в котором жили слушатели школы колхозных бухгалтеров, организованной при техникуме. Эти действия он совершил в связи с попыткой сорвать твардейский значок у слушателя школы Рзаева. Кроме того, он произвел выстрел из огнестрельного оружия и разбил оконные стекла в доме свидетеля Алиева.

Гамзаев и Мехтиев, привлеченные к ответственности по ч. 2 ст. 103 УК Азербайджанской ССР, оправданы в связи с тем, что на судебном следствии предъявленное им обвинение не подтвердилось, а проверить избыточные их показания свидетелей, данные на предварительном следствии, суду не удалось, так как эти свидетели, являвшиеся слушателями школы бухгалтеров колхозов, выехали из города неизвестно куда.

Верховный суд Азербайджанской ССР отмену оправдательного приговора в отношении Гамзаева и Мехтиева мотивировал тем, что оправдание их неправильно, так как преступные действия их установлены показаниями допрошенных органами расследования свидетелей. Суд должен вызвать всех свидетелей в судебное заседание и проверить их показания. Хотя определение Верховного суда Азербайджанской ССР и ссылается на протест прокурора, однако этого протеста в деле нет, поэтому нельзя установить, когда и в каком порядке и виде этот протест подан и правильно ли он принят судом к рассмотрению. Независимо от этого следует отметить, что Верховный суд Азербайджанской ССР совершил ту же ошибку, что и народный суд. Оправдывая Гамзаева и Мехтиева потому, что обвинение их в хулиганстве не нашло подтверждения в судебном заседании, народный суд в то же время признал доказанным обвинение Дадашева в совершении хулиганских действий в общежитии сельскохозяйственного техникума, которое основано на показаниях тех же свидетелей, чьи показания не были проверены в судебном заседании.

Если неполнота судебного следствия могла дать основание считать необоснованным оправдательный приговор в отношении двух обвиняемых, то тем более надо было признать необоснованным обвинительный приговор в отношении третьего подсудимого, обвинение которого основано на тех же непроверенных доказательствах.

Дело, однако, не только в неполноте судебного следствия. Расследование дела проведено неудовлетворительно. Дело возбуждено в связи с жалобой дирекции школы колхозных бухгалтеров при Бакинском сельскохозяйственном техникуме на то, что уличные хулиганы собирающиеся против помещения общежития техникума, где живут слушатели школы, среди которых имеются инвалиды Отечественной войны и лица, награжденные орденами и медалями, нападают на этих слушателей, срывают у них медали и вообще не дают им проходу. Тем же днем, что и эта жалоба, 26 августа 1944 г., датирован акт, составленный работником милиции при участии коменданта общежития техникума Кулиева и четырех слушателей школы о нападении группы хулиганов, которые ворвались в общежитие с палками и камнями в руках, требуя от слушателя Рзаева, чтобы он отдал им свой гвардейский значок, а когда он отказался это сделать, стали избивать его. Побой были нанесены и явившемуся в общежитие Кулиеву. В акте отмечено, что хулиганы разбежались после того, как Рзаев ударил одного из них ножом, причем указаны имя и адрес этого чековика, совпадающие с именем и адресом обвиняемого Дадашева. В своем дополнительном письме от 28 августа дирекция школы сообщает о нападении, совершенном 27 августа. Свидетели в своих показаниях указывают разную дату. Суд же в нарушении ст. 331 УПК Азербайджанской ССР вообще не указал в приговоре, когда же эти события имели место.

Коменданту Кулиеву и слушателю Рзаеву был предъявлен для опознания ряд лиц, среди которых были Дадашев, Гамзаев и Мехтиев. Кулиев опознал Дадашева и Гамзаева, причем в отношении последнего показал, что он его ударил стулом по голове. Рзаев опознал всех троих, утверждая, что Дадашев нанес ему побой, а он ранил Дадашева ножом. Кроме того, были допрошены еще 4 слушателя, в том числе двое из подписавших акт от 26 августа — Ахмедов и Намазов. Первый не назвал ни одного из нападавших. Намазов же назвал всех троих обвиняемых, утверждая, что он всех их опознал. Но из его показаний не видно, когда он опознал их, — тогда ли, когда составлялся акт от 26 августа, в котором, однако, ни одной фамилии не названо, или уже потом, во время расследования дела, хотя протокола опознания не составлено. Два слушателя, Зейналов и Гусейнов, также назвали всех троих обвиняемых, причем из показаний Гусейнова даже можно заключить, что он всех их хорошо знает.

Гамзаев, отрицая свое участие в этих событиях, заявил, что он не мог в них участвовать, так как в это время лежал в больнице, откуда вышел только 28 августа. Однако органы расследования не проверили его объяснений, хотя он назвал не только больницу, но и номер корпуса и палаты, где он лежал. Проверка этого показания имела бы значение не только для установления алиби Гамзаева, но и для оценки достоверности показаний свидетелей, опознавших участников хулиганских действий. Мехтиев также отрицал свое участие в хулиганстве, заявив, что, проходя мимо общежития после окончания работы, он оказался лишь случайным очевидцем события.

Дадашев, отказавшийся во время расследования дела от показаний, на суде утверждал, что он проходил мимо общежития, в районе которого он проживает, во время драки, остановился и вместе с другими стал смотреть. В это время кто-то ударил его, и он ответил ударом.

Дадашеву предъявлено еще обвинение в том, что 11 июля 1944 г. он из озорства выстрелил из огнестрельного оружия вслед свидетелю Алиеву, скрывающемуся в своем доме, и выбил у него оконные стекла. Это обвинение основано на показаниях Алиева. Однако суд не обратил внимания на то, что Алиев был допрошен по этому поводу только 5 сентября 1944 г., и не выяснил, почему это обвинение не было возбуждено своевременно. В процессе расследования Дадашев был подвергнут судебно-психиатрической экспертизе. Актом экспертизы, произведенной амбулаторно, признано, что у Дадашева отмечаются резко выраженные невротические явления, однако формального расстройства со стороны психики у него нет и он вменяем. Эта экспертиза произведена с нарушением инструкции от 17 февраля 1940 г. Амбулаторная экспертиза была произведена комиссией из двух врачей вместо трех согласно инструкции. В нарушении инструкции акт не содержит сведений о прошлой жизни испы-

туемого, о прошлых его заболеваниях, а также не содержит подробного описания его состояния физического, неврологического и психического.

Защитник осужденного в судебном заседании просил учесть, что Дадашев является инвалидом Отечественной войны. Никаких данных по этому поводу в деле нет. Если это так, то в акте экспертизы это должно было найти свое отражение. Важно было бы установить, связаны ли отмеченные экспертизой невротические явления с этой инвалидностью.

Органы расследования сделали на основании этого акта экспертизы вывод, что Дадашев симулировал душевную болезнь, а суд в нарушение ст. 318 УПК Азербайджанской ССР при вынесении приговора не поставил на свое разрешение вопроса о вменяемости подсудимого, что он обязан был сделать, поскольку вопрос этот возникал в процессе расследования.

Недостаточно выяснены данные о личности Дадашева. Так, в приговоре указано, что он неоднократно судим. Между тем в деле имеется справка, в которой указана только одна судимость в 1940 г. по ст. 109 УК Азербайджанской ССР.

Считая, таким образом, дело неисследованным, Судебная коллегия определила: приговор народного суда 2-го участка Октябрьского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР как в отношении осужденного Дадашева, так и в отношении оправданных Гамзаева и Мехтиева отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

9. При разрешении вопроса о виновности должны быть учтены все обстоятельства, повлиявшие на наступившие последствия и устраняющие либо смягчающие виновность подсудимого.

Дело Медведкиной. Осуждена народным судом Южного района, Ивановской области, по ст. 111 УК РСФСР. Определение от 27 января 1945 г.

Медведкина работала заведующей торготделом ОРС'а Южной прядильно-ткацкой фабрики. В октябре 1943 г. она была командирована в Москву, чтобы получить шерстяные ткани и готовые изделия по наряду Главурса и доставить их на фабрику. Получив 14 октября 1943 г. указанные товары, она перевезла их на квартиру к Елисейевой. Уезжая затем в Южу, она оставила товар у Елисейевой, не сдав его ей под расписку. Ввиду отсутствия транспорта для перевозки его в Южу товар находился на этой квартире в течение двух месяцев. Когда через два месяца Медведкина приехала за товаром в Москву, она приняла его от Елисейевой без проверки. При приеме товара на фабрике оказалась недостача 28, 2 м. драпа, 1,2 м. шевьюта, 10 шерстяных платков и 10 пар шерстяных носков.

Суд признал Медведкину виновной в халатном отношении к своим служебным обязанностям.

Из материалов дела видно, что Медведкина, получив товар, не могла отправить его по железной дороге, так как последняя не приняла его к перевозке. Поэтому Медведкина, не найдя другого выхода, перевезла товар на ту квартиру, где она остановилась в Москве, т. е. к Елисейевой, с которой ее познакомил бывший главный бухгалтер фабрики во время одной из служебных командировок в Москву. В то же время Медведкина требовала от фабрики присылки автомашины для перевозки товара.

Не получая ответа от фабрики и не имея возможности дальше оставаться в Москве, Медведкина вернулась в конце октября 1943 г. в Южу. 30 октября 1943 г. фабрика послала в Москву автомашину и телеграфно сообщила об этом Медведкиной, но эта телеграмма уже не застала ее в Москве. Уезжая в Южу, Медведкина взяла с собой мелкие вещи из полученного товара, остальное же частью зашила в мешки.

Как объяснила Медведкина, она не сдала товар Елисейевой под расписку, так как та отказалась хранить его и требовала, чтобы его скорее убрали из

квартиры. В течение двух месяцев фабрика не смогла предоставить автомашину для перевозки товара и лишь в конце декабря 1943 г. послала Медведкину за указанным товаром на попутной автомашине Талицких лагерей. Как объяснила Медведкина, осмотрев товар, она по внешнему виду никаких признаков хищения не обнаружила, проверить же целость его путем обмера и пересчета она не могла, так как шофер автомашины торопил с отъездом. Поэтому она выдала Елисейевой расписку в принятии товара в целости и за хранение дала ей одну шаль и 2,4 метра драпа.

Будучи допрошен в качестве свидетеля, директор ОРС'а фабрики Кондратьев подтвердил, что ОРС должен был послать в Москву транспорт за товаром и что по вине дирекции товар не был своевременно доставлен на фабрику. Он отметил также на суде неопытность Медведкиной.

В своем обращении на имя председателя Верховного суда директор и руководители общественных организаций фабрики заявляют, что Медведкина не виновна, что она стала жертвой неустановленных злоумышленников. Передавая материал в органы расследования, они имели в виду, что будут обнаружены лица, похитившие товар. Между тем органы расследования ограничились преданием суду Медведкиной за халатность.

В заявлении отмечается, что Медведкина — выдвигенка, все время работает честно и добросовестно. Она недостаточно грамотна, что, возможно, и отразилось на том, что она не сумела принять в Москве необходимые меры по сохранению товара. Муж и сын ее находятся в Красной Армии.

Из изложенных обстоятельств видно, что Медведкина допустила неосторожность, оставляя товар на квартире Елисейевой без какой-либо гарантии в его сохранности. Но надо учесть, что по вине дирекции фабрики, не обеспечившей своевременной перевозки товара в Южу и не давшей Медведкиной указаний о порядке хранения его в этих условиях, она была поставлена в такое затруднительное положение, из которого по своей неопытности не нашла иного выхода, как оставление товара на данной квартире.

При наличии таких данных обвинение Медведкиной является необоснованным. Ввиду этого подлежит отмене и определение народного суда от 27 июня 1944 г. о взыскании с Медведкиной стоимости недостающего товара. Это определение неправильно и само по себе. Вопрос о возмещении ущерба не относится к тем вопросам, которые имеет в виду ст. 461 УПК РСФСР. Она предусматривает только вопросы, связанные с порядком исполнения приговора. Вопросы же, связанные со взысканием ущерба должны либо составлять часть приговора, либо рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства.

Ввиду изложенного Судебная коллегия определила: приговор народного суда 1-го участка Южского района от 10 марта 1944 г., определение того же суда от 27 июня 1944 г., а также соответствующие определения Ивановского областного суда от 4 апреля 1944 г. и от 17 июля 1944 г. по настоящему делу отменить и дело в отношении Медведкиной на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР в уголовном порядке производством прекратить.

10. Акт судебно-психиатрической экспертизы, составленный с нарушением требований, установленных для подобных документов, не может служить полноценным доказательством по делу

Дело Потапова. Осужден Верховным судом Чувашской АССР по ч. 2 ст. 58¹⁰ УК РСФСР. Верховный суд РСФСР приговор отменил и дело передал на новое судебное рассмотрение. Определение от 19 января 1945 г.

Потапов признан виновным в проведении антисоветской агитации. Из материалов дела видно, что Потапов, согласно постановлению органов расследования от 13 марта 1944 г., был направлен в Казанскую психиатрическую больницу для производства судебно-психиатрической экспертизы с целью определения его вменяемости. Это постановление было вызвано тем, что во время обыска у Потапова были обнаружены медицинские справки, свидетель-

ствующие о том, что он страдает заболеванием центральной нервной системы, и лечился в Казани и Иванове, о чем он заявлял также на допросах.

Актом судебно-экспертной комиссии Казанской психиатрической больницы от 5 апреля 1944 г. Потапов признан вменяемым. Однако этот акт составлен с нарушением инструкции о производстве судебно-психиатрической экспертизы от 17 февраля 1940 г. Инструкция требует, чтобы в акте были указаны в числе прочих сведения о прошлых заболеваниях испытуемого со ссылкой на данные, подтверждающие эти сведения, а также сведения об истории настоящего заболевания. Между тем в акте отсутствуют ссылки на вышеприведенные документы. В акте указано, что Потапов в 1940 г. или в начале 1941 г. лежал в нервном отделении Государственного института усовершенствования врачей, тогда как, согласно справке этого института от 8 июля 1940 г., Потапов находился на амбулаторном лечении при кафедре физиотерапии института в июне 1940 г. Изложенное обстоятельство не дает основания считать, что эксперты были осведомлены об указанных документах. Инструкция требует подробного описания в акте физического, неврологического и психического состояния испытуемого. Акт, составленный экспертной комиссией, не удовлетворяет и этого требования: он содержит главным образом изложение жалоб и заявлений испытуемого, описание его поведения и не дает ответа на вопрос о том, страдает ли он вообще каким-нибудь заболеванием или нет. Такое заключение экспертизы не может быть признано достаточно полным и ясным.

Однако суд не только не вошел в обсуждение этого заключения, но, в прямое нарушение закона, обязывающего суд в тех случаях, когда во время рассмотрения дела возникал вопрос о вменяемости подсудимого, поставить на свое разрешение этот вопрос при вынесении приговора (ст. 321 УПК РСФСР), вообще не обсудил его. Показаниями ряда свидетелей антисоветские высказывания со стороны Потапова не подтверждаются, лишь свидетели Ермаков и отчасти Сорокин изобличают Потапова в высказываниях, направленных против советской власти.

Потапов утверждал, что его высказывания искажены этими свидетелями. В судебном заседании он просил вызвать и допросить в качестве свидетелей двух указанных им лиц, которые должны были подтвердить, что Ермаков издевался над ним, лишал его пайка. Суд отклонил это ходатайство, мотивируя тем, что указанные свидетели ничего существенного показать не могут. Такое определение нельзя признать обоснованным.

Учитывая, что по делу необходимо провести повторную психиатрическую экспертизу, так как определение психического состояния осужденного Потапова важно не только для разрешения вопроса о его вменяемости, но и для оценки его поведения, что следует проверить ссылку осужденного на неприязненное отношение к нему со стороны свидетеля Ермакова, Судебная коллегия определила: во изменение определения Верховного суда РСФСР от 28 октября 1944 г. дело по обвинению Потапова направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

11. Обвинительный приговор не может быть оставлен в силе, если в деле имеются обстоятельства, возбуждающие сомнение по поводу вменяемости подсудимого, не разрешенные путем привлечения судебно-психиатрической экспертизы

Дело Шишилина. Осужден народным судом Упоровского района, Курганской области, по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР. Определение от 10 января 1945 г.

Шишилин признан виновным в том, что он совместно с Усачевым, также осужденным по делу, явился в столовую и потребовал водки, а когда им отказали, то стал наносить оскорбления работникам столовой, ругался нецензурными словами, разбил стекло в дверце шкафа и вытащил графин с водкой. После этого Шишилин пришел в клуб, где шел спектакль, мешал

артистам, без разрешения зашел в гримировочную, ругался нецензурными словами и затеял драку с заведующим клубом.

Кроме того, в приговоре отмечены три случая: один — в ноябре 1943 г., два других — в марте 1944 г., когда Шишилин вследствие отказа в отпуске ему водки устраивал скандалы в служебных помещениях председателя местного сельпо и райпотребсоюза.

Из материалов дела видно, что Шишилин страдает нервным заболеванием. В связи со справкой районной амбулатории о том, что Шишилин страдает припадками нервного характера, органы милиции Упоровского района, производившие расследование данного дела, 10 апреля 1944 г. вынесли постановление о назначении медицинской экспертизы для установления вменяемости Шишилина. Врач Шохова, назначенная экспертом, сообщила начальнику районного отделения НКВД, что ввиду отсутствия в районе врачей-невропатологов и психиатров Шишилина надо направить для экспертизы в Курган.

К делу приобщен в копии акт, составленный районным прокурором Никифоровым, в котором указано, что при просмотре дел, находящихся в производстве у участкового уполномоченного Переладова, установлено, что дело по обвинению Шишилина и Усачева по ч. 2 ст. 74 УК РСФСР возбуждено 20 марта 1944 г. и лежит без движения с 3 апреля 1944 г. только потому, что в деле имеется справка врача о болезни Шишилина, вследствие чего его действия считают уголовно ненаказуемыми. Прокурор предложил «обвиняемого Шишилина немедленно арестовать, а обвиняемому Усачеву предъявить обвинение по ч. 1 ст. 74 УК, так как последний совершил преступление впервые». Таким образом, дело было передано в суд с обвинительным заключением без производства экспертизы, признанной необходимой органами расследования.

В обвинительном заключении, утвержденном районным прокурором и подготовительным заседанием народного суда, указано, что Шишилин признал себя виновным в совершении хулиганских действий. Между тем Шишилин отрицал большую часть вменяемых ему в вину действий. При рассмотрении данного дела суд оставил без внимания имеющиеся в деле данные, свидетельствующие о болезни Шишилина, и в нарушение ст. 321 УПК РСФСР при вынесении приговора не поставил на свое разрешение вопроса о вменяемости Шишилина, что обязан был сделать, так как этот вопрос возникал во время расследования.

Ввиду такого неправильного рассмотрения дела в отношении Шишилина приговор о нем подлежит отмене.

Учитывая вместе с тем, что материалы дела в достаточной степени свидетельствуют о том, что поведение Шишилина находится в связи с его болезненным состоянием, что никаких серьезных последствий действия его не повлекли, Судебная коллегия по уголовным делам, считая нецелесообразным дальнейшее ведение о нем дела, определила: приговор народного суда Упоровского района и определение Курганского областного суда в отношении Шишилина отменить и дело о нем на основании ст. 8 УК РСФСР производством прекратить.

12. В случае сомнения по поводу психического состояния обвиняемого привлечение экспертизы является обязательным независимо от выраженного желания или нежелания обвиняемого. Ст. 111 УК РСФСР может быть применена лишь при наличии признаков, указанных в ст. 109 того же УК

Дело Н. и Ш. Преданы суду определением народного суда 5-го участка Дзержинского района г. Москвы: первый — по ст. 111 и второй — по ст. 109 УК РСФСР. Определение от 10 января 1945 г.

Н. был предан суду за то, что, работая в Московской межрайонной конторе по снабжению предприятий и строительств черной металлургии Мосснабчермет в должности агента по снабжению, он допустил халатное отношение к своим служебным обязанностям, выразившееся в том, что, доставив

на базу Мосснабчермета партию спирта-ректификата и спирта-сырца, всего 7 бутылок, из которых 2 бутылки были не опечатаны, он не дождался составления приемочного акта, а оставил их кладовщику Ш. не сданными. Впоследствии при обмере доставленного спирта в его отсутствие была обнаружена недостача 14,25 литра спирта стоимостью по рыночным ценам 14.950 руб.

Ш. был предан суду за то, что, работая в том же учреждении в должности кладовщика, совершал злоупотребление своим служебным положением, определял количество принимаемого на базу спирта по объему без учета его ценности и присваивал образующиеся таким образом излишки, как это подтверждается обнаружением 250 граммов денатурата, приготовленного им для выноса с базы.

Последующим определением народного суда 2-го участка Дзержинского района, г. Москвы, вынесенным в судебном заседании, настоящее дело производством приостановлено для направления Н. на судебно-психиатрическую экспертизу в институт им. Сербского с целью установления его вменяемости.

Актом медицинского освидетельствования, произведенного экспертной комиссией Центрального научно-исследовательского института судебной психиатрии им. Сербского, признано невозможным решить вопрос о характере заболевания и вменяемости Н. при однократном амбулаторном исследовании и для решения этого вопроса необходимо направить Н. на стационарное испытание в институт.

Рассмотрев данное дело по частной жалобе Н. на определение народного суда о направлении его на судебно-психиатрическую экспертизу, Московский городской суд отклонил эту жалобу и оставил указанное определение в силе.

Судебная коллегия находит, что возражение Н. против направления его на судебно-психиатрическую экспертизу неосновательно. Не говоря уже о том, что сам Н. в судебном заседании ходатайствовал о производстве такой экспертизы, суд, независимо от какого-либо ходатайства, обязан произвести судебно-психиатрическую экспертизу, если у него возникли сомнения по поводу вменяемости обвиняемого. Достаточные основания для таких сомнений в данном случае были, как это явствует из акта медицинского освидетельствования, произведенного в институте им. Сербского.

Таким образом, определение народного суда нельзя признать неправильным. Однако следует признать неправильным самое принятие судом данного дела к своему производству в уголовном порядке.

В своем заявлении прокурору о возбуждении уголовного преследования против Н. и Ш. управляющий конторой Мосснабчермет ставил в вину Н. то, что он не сдал по акту спирт, доставленный на базу Мосснабчермета, а Ш., — что он принял этот спирт без составления акта. Покушение Ш. присвоить 250 граммов спирта не ставилось в прямую связь с неправильной приемкой спирта.

Из приобщенных к делу документов видно, что при обмере доставленного спирта первоначально была обнаружена недостача спирта только в двух незапечатанных бутылках спирта-ректификата в количестве 2,75 литра. Недостача же, указанная в заявлении конторы, установлена при определении количества спирта с учетом его крепости. В связи с этим недостача спирта-ректификата определена в 4,45 литра, а спирта-сырца — в 10,5 литра.

Н. показал, что он был вынужден оставить доставленный на базу спирт несданным, так как Ш. не выполнил распоряжения заместителя начальника отдела Саркисова о немедленном опечатании доставленного спирта, а ждать ему было некогда, так как он должен был в этот последний день месяца срочно выкупить еще другой груз для конторы Мосснабчермет. Ш. показал, что он впервые принимал на склад спирт и не знал, что количество его надо определить с учетом крепости, что 250 граммов спирта он взял не из доставленного Н. спирта.

Таким образом, по материалам дела устанавливается факт нарушения Н. и Ш. порядка приема спирта, доставленного на базу, а в отношении Ш., кроме того, покушение на присвоение 250 граммов спирта-денатурата.

Утверждение в обвинительном заключении, что Ш. умышленно производил неправильный обмер спирта для создания излишков в корыстных целях, не основано на материалах дела. Учитывая, что в действиях Н. и Ш., связанных с приемкой спирта, нет отягчающих признаков, указанных в ст. 109 УК РСФСР, что поэтому речь могла бы идти лишь о служебном проступке, влекущем дисциплинарную ответственность, а вопрос о материальной ответственности их за недостачу спирта как лиц, несущих ее по служебному положению, должен быть предметом рассмотрения дела в порядке гражданского судопроизводства, что в силу ст. 8 УК РСФСР нецелесообразно также уголовное преследование Ш. за попытку присвоить 250 граммов спирта, коллегия считает, что дальнейшее производство данного дела является нецелесообразным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила: определение народного суда 5-го участка Дзержинского района о предании Н. и Ш. суду, а также определение народного суда 2-го участка того же района о направлении Н. на судебно-психиатрическую экспертизу отменить и дело это в уголовном порядке дальнейшим производством прекратить. В части гражданского иска направить дело в народный суд для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

13. Заявление третьего лица об исключении тех или иных вещей из описи имущества, подлежащего конфискации по приговору суда, должно быть рассмотрено в общеисковом порядке, а не в порядке ст. 461 УПК РСФСР

Дело Солодкиной. Определение от 27 января 1945 г.

Определением народного суда Коробовского района, Московской области от 14 августа 1944 г., вынесенным в порядке ст. 461 УПК РСФСР по делу по обвинению Солодкиной М. П. и др. по ст. 109, ч. 2 ст. 117, ст. 179 и др. УК РСФСР по иску Солодкиной Киры Кирилловны об исключении вещей из описи имущества постановлено «возвратить Солодкиной мясом 37 кг. 600 г., и если такового не окажется, то взыскать стоимость деньгами по реализации».

Определением Московского областного суда от 21 сентября 1944 г. это определение народного суда, обжалованное истицей Солодкиной К. К., прошившей об исключении из него указания о взыскании стоимости мяса, оставлено в силе без изменений.

Определение народного суда Коробовского района от 14 августа 1944 г. вынесено по уголовному делу. По этому делу была предана суду по обвинению в совершении должностных преступлений заведующая Пышлицкой участковой больницей Солодкина М. П. Во время расследования была произведена опись имущества обвиняемой Солодкиной, в составе которого был и скот; в том числе два поросенка весом около 9 пудов. Описанное имущество отдано на хранение дочери обвиняемой, Солодкиной К. К.

Приговором народного суда от 18 декабря 1943 г. Солодкина М. П. была осуждена по совокупности ст. 109, ч. 2 ст. 117 и ст. 179 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы с конфискацией имущества.

Московский областной суд 5 января 1944 г. приговор оставил в силе.

Верховный суд РСФСР 16 марта 1944 г. приговор в отношении осужденной Солодкиной изменил: из приговора исключены ст.ст. 117 и 179 УК РСФСР с назначенными по ним мерами наказания, следовательно и конфискацией имущества, и оставлено в силе осуждение Солодкиной по ст. 109 УК РСФСР на один год лишения свободы, но условно с испытательным сроком на один год.

В деле нет данных о времени и порядке исполнения приговора в части конфискации имущества осужденной Солодкиной, за исключением справки

Коробовского сельпо о том, что согласно акту от 23 января 1944 г. принято для реализации 97 кг 600 г свиного мяса, изъятого у осужденной Солодкиной.

Как указано в определении народного суда от 14 августа 1944 г., он рассматривал вопрос об исключении вещей из описи имущества осужденной Солодкиной по иску Солодкиной К. К. Искового заявления в деле нет. Из объяснений, данных в судебном заседании от 14 августа 1944 г. отцом истицы Солодкиной, видно, что она считает, что описанные поросята принадлежат ей, так как она их купила и вырастила. Поэтому она просит возвратить сало и мясо, которое было изъято в количестве 97 кг.

Таким образом, поскольку третьим лицом было заявлено исковое требование об исключении имущества из описи и возврате его, суд должен был рассмотреть это исковое заявление в общем порядке с привлечением в качестве ответчика той организации, к которой поступило изъятое имущество, в данном случае Коробовского сельпо, и с привлечением к участию в деле прокурора (директивное письмо Верховного суда СССР от 9 июля 1936 г. «О порядке рассмотрения исков третьих лиц об освобождении имущества от описи»).

Рассмотрение этого иского заявления в порядке ст. 461 УПК РСФСР является поэтому неправильным. В этом порядке суд мог бы рассмотреть вопрос о конфискации имущества, если бы он стоял в плоскости возврата произведенной конфискации имущества в связи с исключением ее из приговора согласно определению Верховного суда РСФСР.

Но и в этом виде это определение нельзя признать правильным. Не говоря уже о том, что, вопреки указаниям Верховного суда СССР, данным в постановлении Пленума от 15 апреля 1943 г. «О порядке вынесения определений в судебных и подготовительных заседаниях», суд вынес протокольное постановление, причем составленное настолько небрежно, что даже неясно, о каком мясе и каком количестве его (97 или 37 кг) идет речь, кто обязан его вернуть, — оно неправильно и по существу.

Отклоняя жалобу истицы на это определение, Московский областной суд указал, что оно вынесено в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РСФСР от 16 июля 1930 г. Между тем, согласно этому постановлению, имущество, подлежащее возврату, должно быть, как правило, возвращено в натуре. Выплата его стоимости вместо возвращения его в натуре допускается только в том случае, когда оно не может быть возвращено в натуре. Следовательно, не от усмотрения лица, обязанного возвратить имущество, зависит решение этого вопроса, а суд должен решить его и указать в своем решении, в каком виде должно быть возвращено это имущество. Поскольку в данном случае речь идет не об индивидуально-определенной вещи, а о такой, которая может быть заменена другой такого же рода, оплата ее стоимости могла бы быть допущена только в том случае, если бы суд установил, что ответчик, в данном случае сельпо, лишен возможности вернуть указанное количество мяса.

В упомянутом постановлении Пленума Верховного суда РСФСР указано, что в случае уплаты стоимости имущества должна быть уплачена действительная стоимость его, исчисляемая по ценам кооперативной или государственной торговли. Следовательно, решение суда должно содержать точное определение стоимости имущества, подлежащей уплате. Указание суда на сумму, вырученную при реализации данного имущества, не соответствует этому требованию.

Исходя из изложенного, Судебная коллегия Верховного суда СССР определила: определение народного суда Коробовского района от 14 августа 1944 г. и определение Московского областного суда от 21 сентября 1944 г. отменить и предложить народному суду рассмотреть исковое заявление Солодкиной К. К. в установленном законом порядке.

14. Надзорная инстанция не вправе самостоятельно восстановить приговор, смягченный кассационной инстанцией

Дело Швеца. Осужден народным судом Братушанского района по ст. 132 УК УССР к двум годам лишения свободы с конфискацией четвертой части имущества. Бельским окружным судом переквалифицировано на ст. 131 УК УССР и срок лишения свободы снижен до одного года.

Верховным судом Молдавской ССР определение окружного суда отменено и оставлен в силе приговор. Определение от 27 января 1945 г.

(Извлечение)

Швец признан виновным в том, что он систематически занимался самогонованием и сбытом самогона. В апреле 1944 г. он продал 0,5 самогона свидетелю Цигуряну за 12 руб. В начале июня 1944 г. продал самогон военнотружущим. Обыском, произведенным в его доме 19 июня, у него обнаружено 1,5 литра самогона, при повторном обыске 24 июня обнаружено еще 3 литра самогона.

Определение Верховного суда Молдавской ССР подлежит отмене, а приговор народного суда и определение окружного суда изменению по следующим основаниям.

Определение Верховного суда Молдавской ССР вынесено с нарушением постановления 20-го Пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1928 г., согласно которому в случае удовлетворения протеста в порядке надзора на определение суда второй инстанции, которым смягчено наказание, назначенное судом первой инстанции, в соответствии со ст. 28 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик определение второй инстанции должно быть отменено с передачей дела на новое рассмотрение в ту же инстанцию в ином составе. Вопреки этому Верховный суд Молдавской ССР непосредственно восстановил меру наказания, назначенную осужденному Швецу народным судом и смягченную окружным судом. Неправильно разрешен также вопрос о квалификации преступления, совершенного осужденным.

Народный суд признал установленным занятие Швеца самогонованием с целью сбыта и в соответствии с этим квалифицировал его преступление по ст. 132 УК УССР.

Окружной суд неправильно заменил ст. 132 на ст. 131 УК УССР. Он мотивировал это изменение тем, что в судебном заседании установлен лишь сбыт осужденным самогона, но не изготовление его.

Во-первых, окружной суд упустил из виду, что ст. 132 УК УССР охватывает в отношении самогона и те преступные действия, которые предусмотрены ст. 131 УК УССР в отношении всякого рода спиртных напитков и спирто-содержащих веществ, устанавливая лишь повышенную ответственность за эти действия (изготовление для сбыта, хранение для той же цели и сбыт в виде промысла). Поэтому, если совершенные действия не содержат признаков, установленных ст. 132 УК УССР (изготовление самогона не для сбыта, хранение его не для сбыта или сбыт его не в виде промысла), то они не могут содержать также состава преступления, предусмотренного ст. 131 УК. При этом необходимо, однако, учесть указания Верховного суда СССР, данные в постановлении его Пленума от 24 декабря 1942 г. о судебной практике по делам о самогоноварении, согласно которым в условиях военного времени самогонование хотя бы и не для сбыта должно быть признано уголовно-наказуемым и должно поэтому караться по аналогии с ч. 1 ст. 102 УК РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик, в данном случае ст. 132 УК УССР.

Во-вторых, необходимо признать, что народный суд имел достаточные основания признать установленным, что Швец изготовлял самогон. То обстоятельство, что у него не нашли аппаратуры для изготовления самогона, не может иметь решающего значения.

Жена осужденного в своих показаниях во время расследования дела подтвердила, что самогон изготовлялся в апреле 1944 г. Показания сестры осужденного Ильчук, данные во время расследования дела, находят подтверждение в показаниях свидетельницы Мельник, подтвердившей свои первоначальные показания в судебном заседании. Отказ же Ильчук от своих первоначальных показаний под предлогом, что она во время допроса шутила, суд правильно признал неосновательным. Осужденный в одной из своих жалоб ссылаясь на то, что он не только не имел аппарата для самогоноварения, но что он вообще не умеет этого делать. Однако в судебном заседании он заявил, что занимался самогонованием до освобождения данной местности от оккупации, после же этого не гнал самогона и не продавал его. Но два случая продажи им самогона в этот период времени установлены, и в этом сходятся все судебные решения по делу.

Вместе с тем необходимо признать, что доказанных фактов изготовления осужденным самогона и продажи его недостаточно для того, чтобы считать установленным систематический характер действий осужденного. Речь идет о двух-трех случаях, которые могли и не быть связаны между собой. Поэтому нет оснований утверждать, что Швец занимался изготовлением самогона для сбыта или сбывал его в виде промысла. При этих условиях, в соответствии с вышеуказанным постановлением Пленума Верховного суда СССР от 24 декабря 1942 г., действия Швеца должны быть квалифицированы по ст. ст. 7 и 132 УК УССР.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1. При разрешении споров о возвращении эвакуированным лицам их прежней площади суд должен, в случае требования о том владельца дома, предварительно разрешить вопрос об их праве на эту площадь

Определение № 756 1944 г. по иску Е. И. Виленской
к Е. И. Фушман

Решением от 13 августа 1944 г. народный суд 2-го участка Ленинского района г. Москвы удовлетворил иск Виленской о выселении Фушман. Выселение Фушман суд постановил произвести по получении прописки Виленской в г. Москве. Определением от 8 сентября 1944 г. Судебная коллегия Московского городского суда решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что как решение народного суда, так и определение Московского городского суда являются неправильными по следующим основаниям.

Как видно из материалов дела Виленская проживала в доме, находящемся в ведении Хозяйственного управления СНК СССР. Находясь в эвакуации, Виленская дважды допустила просрочку в уплате квартирной платы, не представив к тому заслуживающих уважения оправданий. Домоуправление дважды напоминало Виленской о необходимости погашения долга — на 1 апреля 1942 г. и на 1 сентября 1942 г., и только после этих напоминаний Виленская погасила долг. 20 сентября 1942 г. Хозяйственное управление заселило комнату Виленской ответчицей Фушман.

Поскольку при рассмотрении настоящего дела Хозяйственное управление заявило требование о признании того факта, что Виленская утратила право на площадь как злостная неплательщица квартирной платы, суд обязан был разрешить этот вопрос, так как владельцы жилой площади вправе заявлять такого рода требования в течение установленных давностных сроков, если квартирномульщик к моменту предъявления иска не осуществляет свое право пользования жилой площадью.

Останавливаясь на заявлении истицы о том, что спорная площадь была получена в связи с трудовыми отношениями ее мужа, которые в настоящее время не существуют, Московский городской суд в своем определении указал, что этот вопрос может быть разрешен отдельно в порядке ст. 31 или ст. 32 пост. ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. Это указание Московского городского суда является неправильным. Если Виленская не имеет права на площадь по основаниям, указанным в приведенных статьях указанного постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г., то суд, разрешая вопрос о праве Виленской на площадь, должен был принять во внимание не только правоотношения, сложившиеся у нее с Хозяйственным управлением в связи с нахождением ее в эвакуации, но рассмотреть в целом вопрос о ее праве на спорную площадь. Таким образом, суд должен был рассмотреть и разрешить вопрос о предоставлении ей другой площади в связи с утратой трудовых отношений, на основании которых в свое время Виленские получили площадь в доме Хозяйственного управления СНК СССР.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 22 декабря 1944 г. определила: решение народного суда и определение городского суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в Московский городской суд по первой инстанции с участием прокурора. Дело рассмотреть в десятидневный срок со времени поступления его в Московский городской суд.

2. Присуждение сумм, предусмотренных примечанием 2 к ст. 46 ГПК Узбекской ССР, производится независимо от фактических расходов по вознаграждению представителя

Определение № 771 1942 г. по иску Отдела продснабжения ОИУ САВО к Управлению Ташкентской ж. д.

Ташкентский областной суд, рассмотрев дело по иску Отдела продснабжения ОИУ САВО к Управлению Ташкентской ж. д. о взыскании 16 081 р. 28 к. убытков за утрату груза, решил в иске отказать. Тем же решением областной суд отказал дороге в присуждении возмещения расходов по ведению дела. 14 марта 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда Узбекской ССР решение областного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело в части отказа в удовлетворении заявленного дорогой требования о возмещении расходов по ведению дела подлежит пересмотру по следующим основаниям.

На основании примечания 2 к ст. 48 ГПК Узбекской ССР сторона, в пользу которой решено дело, имеет право на возмещение расходов по ведению дела в размере не свыше 5% той части иска, в отношении которой решение состоялось в ее пользу. Эта статья не предоставляет суду права требовать доказательств о фактически понесенных расходах по ведению дела. Поэтому указание суда о том, что ответчик не представил доказательств понесенных им расходов по ведению настоящего дела, является необоснованным.

Поскольку решение суда по делу состоялось в пользу Управления Ташкентской ж. д., последнее имеет право на получение сумм, предусмотренных примечанием 2 к ст. 48 ГПК Узбекской ССР.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 22 декабря 1944 г. определила: решение областного суда и определение Верховного суда в части отказа дороге в присуждении расходов по ведению дела отменить и в отмененной части передать дело на новое рассмотрение в тот же суд.

3. Лицо, не отчитавшееся по подотчетным суммам, освобождается от обязанности вернуть выданные ему средства, если установлено, что этому препятствовали обстоятельства, которые не могут быть поставлены ему в вину

Определение № 738 1944 г. по иску Кавказского отделения Геофизического треста к В. Е. Диннер

Народный суд 2-го участка Джапаридзевского района г. Баку, рассмотрев 26 апреля 1944 г. дело по иску Кавказского отделения Геофизического треста к В. Е. Диннер о взыскании 5313 р. 91 к. задолженности по подотчетным суммам, иск удовлетворил. Определением от 20 июля 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда Азербайджанской ССР решение народного суда оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Диннер действительно получил от истца подотчетные суммы и в них не отчитался. Таким образом, с этой точки зрения исковые требования истца являются бесспорными и подлежали бы удовлетворению. Однако Диннер ссылается на то, что, возвращаясь из района с заготовленными продуктами, он во время автомобильной катастрофы был тяжело ранен и увезен для оказания помощи в больницу, в которой пролежал 10 дней, а в это время шофер похитил продукты и скрылся. Стоимость похищенных продуктов, по заявлению Диннер, и есть его задолженность по подотчетным суммам.

Указанная ссылка Диннер имеет существенное значение, а потому должна быть тщательно проверена судом, и если она подтвердится, на Диннер не может быть возложена материальная ответственность за похищенные и утраченные во время автомобильной катастрофы продукты. В таком случае числящаяся за Диннер задолженность должна быть списана с Диннер как образовавшаяся в результате обстоятельств, которые не зависели от Диннер и которые он не мог предотвратить. На Диннер только в том случае может быть возложена ответственность возместить убытки от гибели и расхищения груза, если бы было установлено, что в силу заключенного с ним договора или каких-либо других законных оснований на него была возложена повышенная ответственность за гибель вверенных ему материальных ценностей вследствие случайных обстоятельств или действия непреодолимой силы.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 14 декабря 1944 г. определила: все решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение по существу в Верховный суд Азербайджанской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

4. Колхозы лишены права продавать или сдавать в аренду земельные угодья, находящиеся у них в бессрочном пользовании

Определение № 697 1944 г. по иску Джигаджурского совхоза к колхозу им. Коминтерна

25 ноября 1942 г. народный суд Ланчутского района Грузинской ССР, рассмотрев дело по иску Джигаджурского совхоза к колхозу им. Коминтерна о взыскании 30.000 руб., решил в иске совхозу отказать. 16 декабря 1942 г. Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР решение народного суда оставила в силе.

По протесту Прокурора СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям.

1. Из материалов дела видно, что совхоз заключил с колхозом договор аренды 15 га сенокосных угодий и уплатил 30.000 руб. арендной платы. Однако убрать эти сенокосные угодья совхоз не мог, так как арендованный участок сенокоса был полностью потравлен скотом колхоза. По этим основаниям совхоз взыскивает с колхоза уплаченные ему 30.000 руб.

2. В настоящем деле спор идет не только о потраве сенокоса, но и о законности заключенного между сторонами договора. Согласно ст. 2 Примерного устава сельхозартели, колхоз не имеет права продавать или сдавать в аренду переданные ему в бессрочное и бесплатное пользование земельные угодия. Поэтому, в силу ст. ст. 30 и 147 ГК, заключенный между сторонами договор является недействительным, если передача совхозу земли для сенокоса не была санкционирована совнаркомом республики, а неосновательное обогащение подлежит взысканию в доход государства.

3. При новом рассмотрении дела суду необходимо выяснить, была ли санкционирована со стороны правительственных органов республики в форме общего или специального постановления передача колхозом сенокосных угодий совхозу за денежное вознаграждение. Если такое разрешение было, совхоз имеет право требовать возврата уплаченных денег в связи с потравой сенокосного участка при условии, что погрыва была учинена скотом колхоза или сенокосный участок находился до уборки его совхозом под охраной колхоза. Если же разрешения на аренду сенокоса со стороны управомоченных на то органов дано не было и договор аренды был заключен между сторонами по их соглашению, этот договор должен быть признан в силу ст. 30 ГК противозаконным с последствиями, предусмотренными ст. 147 ГК.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 22 ноября 1944 г. определила: все решения и определения, вынесенные по делу, отменить, передав дело на новое рассмотрение по существу в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

5. В наследственную массу может входить только то имущество, которое принадлежало наследодателю на законных основаниях

Определение № 670 1944 г. по иску С. М. Седова о наследстве

22 декабря 1942 г народный суд 1-го участка Киржачского района признал за Седовым С. М. право наследования на четвертую часть имущества, оставшегося после смерти его матери, Седовой-Муравьевой, а золотые и серебряные ценности, а также имущество, находящееся в том же доме, за номерами и метками бывшего фабриканта Арсентьева обратил в доход государства через Киржачское райфо. Для определения имущества, оставшегося после смерти матери истца, суд постановил создать комиссию, в состав которой ввести представителя райфо, понятого и истца.

Определением от 29 января 1943 г Судебная коллегия Ивановского областного суда решение народного суда оставила в силе.

28 марта 1944 г. Судебная коллегия Верховного суда РСФСР отменила решение народного суда и определение областного суда и дело передала на новое рассмотрение по тем мотивам, что истец имеет право наследования на всю наследственную массу, оставшуюся после смерти наследодателя, независимо от того, чье это имущество было в прошлом и как оно перешло к наследодателю.

15 мая 1944 г. народный суд 1-го участка Киржачского района признал за Седовым право на половину всего наследственного имущества, оставшегося после смерти Седовой-Муравьевой и находящегося в г. Киржач по Б. Московской ул., в доме № 111, и взыскал с Седова госпошлину в сумме 5147 руб. Другую половину имущества, оставшегося после смерти Седовой, суд признал выморочной и передал ее в доход государства.

По протесту Прокурора СССР Судебная коллегия признала, что дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

1. Истец Седов как сын умершей Седовой-Муравьевой входит в круг ее наследников по закону (ст 418 ГК) и имеет безусловное право на получение части имущества после смерти своей матери в порядке наследования. Однако возникает вопрос, какую часть имущества он вправе получить как законный наследник.

Из материалов дела видно, что мать истца умерла в мае 1942 г., а брат — в сентябре 1942 г. Таким образом, истец по настоящему делу, Седов С. М. имеет право наследования только на половину отыскиваемого им имущества, так как оставшая часть имущества матери после ее смерти перешла к брату истца, наследовать же долю брата истец по закону не имеет права.

2. Нельзя признать правильными указания Верховного суда РСФСР о том, что суду не было необходимо при рассмотрении дела исследовать вопрос, при каких обстоятельствах попало имущество бывшего фабриканта Арсентьева в дом наследодателей, так как этот вопрос, по мнению Коллегии Верховного суда РСФСР, непосредственного отношения к делу не имеет. Все имеющиеся вещи, как полагает Коллегия, оставшиеся после смерти наследодателя, представляют наследственную массу, которая должна быть разделена в порядке ст. 418 ГК.

Народный суд правильно поступил, приступив к выяснению происхождения и принадлежности имущества, оставшегося после смерти матери и брата истца, так как закон предусматривает переход в порядке наследования только объектов права личной собственности, принадлежащих наследодателю на законных основаниях, и вовсе не допускает перехода в порядке наследования имущества, находящегося на хранении, добытого преступным путем, если это доказано, и т. д.

3. При новом рассмотрении дела суду необходимо иметь в виду, что истец имеет право на половину имущества после смерти матери, и исходя из этого необходимо разрешить требования истца.

Что касается вещей бывшего фабриканта Арсентьева, то суду необходимо точно установить, действительно ли эти вещи Арсентьева и каким образом они оказались в доме Седовых. Если будет установлено, что эти вещи не были проданы или подарены Седовым, то они как не относящиеся к объектам личной собственности матери истца подлежат передаче в доход государства. Золотые, серебряные и иные ценные вещи матери истца должны быть включены в наследственную массу.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 11 октября 1944 г. определила: все решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же народный суд с участием прокурора.

6. Лицо, получившее конфискованное имущество на законном основании, является добросовестным приобретателем и потому это имущество не может быть истребовано от него прежним собственником

Определение № 360 1945 г. по иску М. А. Поповой к И. И. Курочкиной и др.

Народный суд Боровского района, рассмотрев дело по иску Поповой к колхозу «За коммуну» о возврате коровы и к Курочкиной о возврате телки, решением от 29 сентября 1943 г. в иске Поповой отказал. Судебная Коллегия Московского областного суда определением от 23 ноября 1943 г. это решение отменила и дело передала на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд Малоарславского района Московской области решением от 15 февраля 1944 г. постановил изъять у Курочкиной телку и передать Поповой. Расходы, понесенные Курочкиной, суд постановил возложить на райзо Боровского района. Определением от 11 марта 1944 г. Судебная коллегия Московского областного суда это решение оставила в силе.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР определением от 9 сентября 1944 г. решение народного суда и определение Мособлсуда в части изъятия у Курочкиной телки и передаче ее Поповой оставила в силе, исключив из решения суда пункт, возлагавший на райзо обязанность возместить Курочкиной расходы по уходу за телкой.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об оставлении в силе решения народного суда от 29 октября 1943 г. об

отказе Поповой в иске и об отмене всех последующих судебных решений и определений подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Народный суд решением от 15 февраля 1944 г. на основании ст. 59 Г. К. решил изъять у Курочкиной телку и передать ее Поповой. Между тем материалами дела установлено, что муж истицы Поповой являлся немецким старостой. Незадолго до изгнания немецких оккупантов он переправил свою корову к своим родственникам в другую деревню. После освобождения местности от оккупантов Попов был арестован и осужден. Корова, оставленная им у родственников, была изъята воинской частью, но так как корова была стельная, то ее временно через райзо передала ответчице Курочкиной до отела. После отела корова в числе других была возвращена воинской части. За уход Курочкиной была оставлена телка, которую она вырастила.

При наличии в материалах дела таких данных необходимо признать, что Курочкина является добросовестным приобретателем коровы и у суда не было оснований разрешать дело на основании ст. 59 Г. К. Принимая во внимание, что народный суд Боровского района решением от 29 октября 1943 г. разрешил дело в соответствии со ст. 60 Г. К. правильно, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 г. определила: Оставить в силе решение народного суда Боровского района Московской области от 29 октября 1943 г., все последующие судебные решения и определения по настоящему делу отменить.

7. Последствия, предусмотренные ст. 149 ГК, возможны в случае, если имеются основания признать договор недействительным или прекратившим свое действие на будущее время в силу оснований, указанных в ст. ст. 32 и 33 ГК.

Определение № 235 1945 г. по иску С. Д. Шифрина к И. Я. Якубову

15 декабря 1944 г. народный суд 1-го уч. г. Енакиево постановил решение, которым признал, что договор, заключенный в октябре 1941 г. между Шифриным и Якубовым на продажу последнему вещей, является недействительным, в связи с чем обязал Якубова возвратить Шифрину купленное у него пианино, зеркальный буфет и книжный шкаф, а Шифрина — вернуть Якубову полученные от последнего за указанные вещи 1300 руб. Это решение было оставлено в силе определением Сталинского облсуда от 5 января 1945 г.

Считая решение суда неправильным, Председатель Верховного суда СССР внес протест, в котором просил отменить его по следующим основаниям:

Уезжая в эвакуацию в октябре 1941 г., Шифрин продал Якубову пианино, зеркальный буфет и книжный шкаф за 1300 руб. Вернувшись из эвакуации и найдя проданные вещи у Якубова, Шифрин предъявил иск к последнему, прося суд признать договор недействительным ввиду того, что полученные им от Якубова деньги не соответствуют действительной стоимости вещей и если тем не менее он и заключил с Якубовым договор на указанных выше условиях, то исключительно в силу того, что он вынужден был к этому условиями эвакуации.

Удовлетворяя искивые требования Шифрина, суд сослался на ст. 33 ГК УССР, тем самым признав, что Шифрин под влиянием крайней нужды вступил с Якубовым в явно невыгодную для него, Шифрина, сделку. Вынося такое решение, суд исходил, очевидно, из тех цен на отыскиваемые Шифриным вещи, которые существовали до войны, и не проверил, по какой цене продавались такие же вещи в период эвакуации. Как заявляет Якубов, до него Шифрин предлагал купить перечисленные вещи Харламову и Колесникову, но сделка не состоялась, так как ни Харламов, ни Колесников более 1000 руб. за них не давали. Якубов, далее, утверждает, что в указанное время Харламов купил такое же пианино у Купермана, заплатив за него 1000 руб. Поэтому, для правильного суждения о характере заключенной между сторонами сделки суду следовало допросить указанных лиц.

При новом рассмотрении дела суду надлежит иметь в виду, что условием признания сделки недействительной по ст. 33 ГК УССР является наличие у по-

терпевшей стороны крайней нужды, побудившей ее заключить явно невыгодный договор. Очевидно, этот признак отсутствует в данном случае, так как срочная эвакуация поставила не одного Шифрина перед необходимостью решить вопрос о судьбе оставляемых им вещей, которые он, Шифрин, подобно многим другим, мог и не продавать. Как это не отрицает и сам Шифрин, договор с Якубовым был заключен им на добровольных началах; во всяком случае, Шифрин не доказал, что во время продажи вещей для него было более выгодным: оставить вещи или получить за них в то время 1300 руб.

Согласившись с доводами, изложенными в протесте, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 9 апреля 1945 г. определила решение нарсуда 1-го уч. г. Енакиево от 15 декабря 1944 г. и определение Сталинского областного суда от 5 января 1945 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

8. При рассмотрении споров, возникающих из сделок, заключенных в условиях оккупации, суд должен руководствоваться постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 г. «О рассмотрении судами дел по искам, основанным на сделках, заключенных советскими гражданами во время нахождения их на временно оккупированной территории»

Определение № 372 1945 г. по иску М. М. Синицы к Ф. В. Денисенко

Народный суд Артемовского района, рассмотрев дело по иску Синицы к Денисенко о признании недействительной сделки купли-продажи строения, решением от 12 июня 1944 года иск удовлетворил. Судебная коллегия Сталинского областного суда определением от 6 июля 1944 г. решение оставила в силе.

Судебная коллегия признала, что протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определении областного суда подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что Денисенко купил у отца истицы в 1942 г. по домашней сделке дом, уплатив за него по расписке 23500 руб. Истица просила суд признать этот договор купли-продажи недействительным, как заключенный в условиях временной оккупации. Суд иск Синицы удовлетворил, признав, что сделка купли-продажи дома в силу ст. 33 ГК является недействительной.

Мотивы суда о признании сделки недействительной по основаниям ст. 33 ГК неправильны, так как не подтверждаются материалами дела.

При новом рассмотрении дела суду надлежит проверить обстоятельства дела в соответствии с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 1 декабря 1944 г. «О рассмотрении судами дел по искам, основанным на сделках, заключенных советскими гражданами во время нахождения их на временно оккупированной территории».

В том случае, если будет установлено, что сделка купли-продажи дома была совершена сторонами добровольно и без всякого вмешательства со стороны оккупантов, то суд может признать ее действительной и предложить сторонам оформить ее в нотариальном порядке, или же, при наличии к тому оснований, признать сделку недействительной по основаниям ст. 29 ГК с последствиями по ст. 151 ГК УССР, причем суду необходимо проверить, действительно ли Денисенко уплатил истице 23500 руб. по имеющимся в деле распискам.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 26 мая 1945 года определила: решение народного суда Артемовского района Сталинской области от 12 июня 1944 г. и определение Сталинского областного суда от 6 июля 1944 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

9. Рассмотрение дела о расторжении брака в отсутствие супруга-ответчика по мотивам его безвестного отсутствия возможно только в случае представления доказательств о признании его в установленном порядке безвестно-отсутствующим

Определение № 250 1945 г. по иску А. П. Тисиньш к В. Я. Тисиньш

Тисиньш Альвина Петровна обратилась в народный суд с иском о расторжении брака с Тисиньш Вольдемаром Яновичем.

23 января 1945 г. дело рассматривалось в нарсуде 9-го уч. г. Риги и затем поступило в Верховный суд Латвийской ССР. Судебная коллегия Верховного суда Латвийской ССР решением от 17 февраля 1945 г. постановила брак между супругами Тисиньш А. П. и В. Я. расторгнуть.

Судебная коллегия признала, что протест Прокурора СССР об отмене решения Верховного суда Латвийской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Верховный суд Латвийской ССР рассмотрел дело в отсутствие ответчика Тисиньш В. Я. Согласно инструкции Наркомюста СССР «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака, утвержденной постановлением СНК СССР от 27 ноября 1944 г. за № 1622», нарсуды могут рассматривать заявления о расторжении брака без вызова супруга-ответчика лишь в случае установления в надлежащем порядке безвестного отсутствия другого супруга, осуждения его к длительному сроку лишения свободы (не менее одного года) или хронической душевной болезни супруга-ответчика.

По настоящему делу иск о расторжении брака предъявлен Тисиньш А. П. по признаку безвестного отсутствия супруга и это дало основание суду рассматривать дело в отсутствие ответчика.

В соответствии со ст. 12 Г.К. лица, отсутствующие из места своего постоянного жительства, по истечении года со дня получения последних известий о месте его пребывания могут быть признаны безвестно отсутствующими. Признание безвестно-отсутствующим производится путем выдачи свидетельств заинтересованным лицам и учреждениям соответствующими нотариальными конторами.

Поскольку истицей такой документ представлен не был, у суда не было оснований считать Тисиньш В. Я. безвестно отсутствующим.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в заседании от 9 апреля 1945 г. определила: решение Судебной коллегии Верховного суда Латвийской ССР от 17 февраля 1945 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же Верховный суд Латвийской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

Цена 1 р. 75 к.

СПБГУ

NO121404

ЮФ СПБГУ